

В. В. Понарядов, Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 2001. 179 с.

Синтаксис в целом является наименее исследованной областью языкознания, причем не только пермских, но и большинства тех языков, с которыми приходится сталкиваться исследователям в конкретной их научно-исследовательской практике. Что же касается исследований отдельных разделов синтаксиса в синхронно-диахроническом аспекте, то и здесь ни коми, ни — особенно — удмуртское языкознание не могут похвастаться обилием трудов. И посему весьма приятно появление именно в этой малоисследованной области нового труда, каким является диссертация научного сотрудника отдела языка Института языка, литературы и истории Коми Национального центра Уральского отделения РАН Вадима Васильевича Понарядова «Порядок слов в пермских языках в

сравнительно-типологическом освещении (простое предложение)». Ее защита состоялась на заседании Диссертационного совета К 212.275.02 при Удмуртском государственном университете 20 сентября 1998 года. Официальные оппоненты — доктор филологических наук профессор В. К. Кельмаков (Удмуртский государственный университет) и кандидат филологических наук старший преподаватель О. А. Гагарина (Пермский государственный педагогический университет).

Работа состоит из «Предисловия» (с. 4—10), «Введения» и трех глав.

Во «Введении» (с. 11—20) автор дает обзор литературы, касающейся прямо (ее очень мало) или попутно рассматриваемой темы. Хотя произведенный обзор, казалось бы, предельно исчерпывающий, все

же возникает вопрос, почему полностью обойдены вниманием все три монографии Ф. Й. Видемана, посвященные проблемам грамматики пермских языков (Wiedemann 1847; 1851; 1884), содержащие (по крайней мере две последние) раздел синтаксиса от двух до трех десятков страниц.

Глава первая — «Неосложненное простое предложение» (с. 21—83) — является, пожалуй, центральной частью работы. Именно здесь ставятся основные проблемы, связанные с порядком слов в простом неосложненном предложении и оттачиваются те ведущие методы (описательный, типологический и сравнительно-исторический и др.), с помощью которых решает автор поставленные перед собой задачи.

В. В. Понарядов считает целесообразным рассматривать порядок слов в простом предложении пермских языков, обладающих относительной свободой их расположения, не в традиционном аспекте «простого описания возможностей их (т. е. сказуемого, подлежащего, дополнений и обстоятельств. — В. К.) размещения» (с. 22), а «с точки зрения взаимного расположения двух субъектов актуального членения (темы и ремы) и сказуемого», обладающего относительно автономными правилами дистрибуции в структуре предложения (с. 24). В этом разделе на обильном фактическом материале самых разных языков (финно-угорских, тюркских, монгольских, японского и др.) убедительно доказывается, что в синтаксисе пермских языков действует тенденция к развитию от SOV-типа к SVO-типу, причем в этом продвижении наиболее архаичным, близким к праязыковому состоянию, является удмуртский язык, а наиболее продвинутым коми-пермяцкий; коми-зырянский же занимает промежуточное положение, предельно приближаясь к коми-пермяцкому.

Так, в соответствии с SOV-типом наиболее типичной моделью простых предложений является стилистически нейтральная T — R — P, получившая широкое распространение в различных языках, в том числе и удмуртском, например: *Одйг пол пинал пййшурасьёс гондырез вишлям...* 'Однажды молодые охотники медведя убили...' Предложения именно такой структуры занимают значительное место в составе связного текста в удмуртском

языке. По мнению автора, в недрах этого же типа возникает и эмфатическая модель R — P — T со сказуемым не в конце предложения, весьма распространенная в языках SVO-типа (в частности, в русском), ср. удм. *Воеводалы ярам Васькалэн тазы верамез* 'Воеводе понравилась Васькина такая речь' (с. 44). Именно словопорядок последнего варианта получил в коми языках самое широкое распространение. При этом автор устанавливает определенное иноязычное влияние на процесс дивергенции пермских языков в зависимости от словопорядка: если интенсивное влияние русского языка катализило продвижение коми языков от SOV-типа к SVO-типу, то тюркское влияние, наоборот, способствовало консервации архаичных черт в удмуртском синтаксисе.

Далее, говоря о наличии регулярно употребляемого порядка T — P — R в отдельных удмуртских текстах, автор приходит к весьма интересному заключению: «Очевидно, в данном случае мы имеем результат интенсивного русского влияния. Однако это влияние на речь отдельного индивида, а не на удмуртскую (хотя бы диалектную) языковую систему в целом: другие записи того же диалекта репрезентируют обычное для удмуртского языка преобладание порядка T — P — R» (с. 59—60). В связи со сказанным своеобразную проблему создает удмуртский материал Г. Е. Верещагина в его книге «Руководство к изучению вотского языка» (1924), где иллюстративные примеры в абсолютном большинстве случаев придуманы им по заимствованной модели T — P — R: *Искал в ы ж и з* (выделены предикаты. — В. К.) *шур-вамен* 'Корова перешла через речку'; *Сюрес-вамен п о н э м ы н кор* 'Поперек дороги положено бревно'; *Мон бусысь м ы н й сике* 'Я из поля ушел в лес'; *Гид-вамен к у ш т й шалы* 'Через конюшню перебросил я палку' (с. 28) и т. д. Соответственно этому и связанные тексты большинством своих предложений репрезентируют то исконный словопорядок T — R — P (см., напр., Верещагин 1924 : 53—54), то заимствованный T — P — R (Верещагин 1924 : 44). Возникает вопрос: чем обусловлен излюбленный выбор неисконной модели словопорядка Г. Е. Верещагиным: индивидуальной речью самого

автора или разнодиалектной стихией (он родился в относительно более русифицированной диалектной среде северных говоров и длительное время проживал на юге, менее подверженной русскому влиянию)?

В целом положения и основные выводы данной главы вполне доказаны и не вызывают никаких возражений. Однако все же возникают некоторые замечания частного характера.

1. Говоря о консервирующем влиянии тюркских языков на словопорядок удмуртского, автор имеет в виду не только татарский язык, но и чувашский (с. 141—142). Сомнительно, насколько было сильно влияние чувашского языка, если удмурты в своей массе не имели прямых контактов с собственно чувашами, не считая нескольких деревень с удмуртско-чувашским населением на самой южной периферии удмуртского языкового ареала, составляющих бавлинский диалект (контакты с XVIII века), и наличия 2—3 чувашских населенных пунктов нынешнего Граховского района Удмуртской Республики. Если же автор под чувашским влиянием имеет в виду булгарское, то надо назвать его собственным именем, ибо булгарский язык, хотя и является — как считает ряд исследователей — прямым предком чувашского, все же не идентичен ему.

2. Автор монографии походя ставит знак равенства между уральским и прапермским языковыми состояниями, по крайней мере относительно словопорядка. Цитирую: «Из этого следует, в частности, что для прауральского языка (или, что то же самое, первичного состояния пермских языков) (выделено мною. — В. К.) можно с большой вероятностью предполагать наличие всех этих закономерностей словопорядка» (с. 27). Или еще: учитывая широкое распространение определенного соотношения нейтрального (T — R — P) и эмпатического (R — P — T) словопорядка в ряде SOV-языков на всем протяжении их письменной истории, автор считает возможной экстраполяцию этих отношений на уральский и финно-угорский праязыки (с. 43). В приведенных положениях не совсем ясно, что имеется в виду под «первичным состоянием пермских языков»: если подразумевается прапермское состоя-

ние, то несколько рискованно ставить знак равенства между уральским и прапермским состояниями, отдаленными друг от друга несколькими тысячелетиями, тем более что пермский праязык подвергся в период самостоятельного развития серьезному обстрелу со стороны иранских и тюркских языков. Далее, не слишком ли мы осовремениваем праязыковое состояние, отдаленное от нас на несколько тысячелетий, возводя туда те же отношения, которые характерны для последнего тысячелетия, отраженного письменностью?

3. Попутно с рассмотрением основных вариантов словопорядка, обусловленных SOV-типом: нейтрального T — R — P и инверсионного R — P — T, автор обращается к объяснению одного из загадочных явлений прауральской морфологии — возникновения личных показателей имен и глаголов. Он обращает особое внимание на случаи инвертированного употребления определений, расположенных после определяемых ими слов. Занимать постпозицию по отношению к определяемому слову могли преимущественно генитивные определения, весьма редко — определения, выраженные именем прилагательным, да и то лишь в коми языках (с. 46—47). Спорадическим инвертированным расположением подлежащих и определений, выраженных различными формами личных местоимений, склонен объяснить автор возникновение личных окончаний глаголов и посессивных суффиксов имен существительных, местоименный источник которых очевиден: «Также заметим, что местоимение-подлежащее, чтобы превратиться в аффикс, должно быть безударным, что возможно только в случае его тематичности. Таким образом, вырисовывается ясная картина того, как происходило становление предикативных личных аффиксов: тематическое личное местоимение, будучи эллиптировано на своем «законном» месте впереди сказуемого, добавлялось после него; имея безударный, энклитический характер, оно легко превращалось в аффикс, чему способствовало и то, что аффиксы в уральских языках вообще постпозитивны» (с. 53). Может быть, суффиксирование личных местоимений в личные показатели имен и глаголов происходило именно таким образом, однако остается не

совсем ясно: возможно ли возникновение предельно регулярных суффиксов имен и глаголов на базе определенных языковых единиц, имеющих эмфатическое, а посему довольно редкое, употребление? Тем более что эллиптирование тематических личных местоимений-подлежащих («В SOV-языках эллипсис темы приводит к появлению «урезанной» модели R — P», с. 39) или вынос их за сказуемое возможно было у ж е лишь при наличии личных окончаний глаголов-сказуемых, иначе глагол-сказуемое мог бы оказаться без маркера лица. Иными словами, возникновение личных показателей глаголов и имен, на мой взгляд, должно было хронологически предшествовать появлению эмфатического словоупотребления (T) — R — P — T, где T выражена личным местоимением.

4. Возможно, следовало избегать слишком пространных цитат (напр. с. 31, 32, 33—35).

Вторая глава — «Осложняющие обороты» (с. 84—106) — посвящена порядку слов с инфинитными глагольными формами во главе. При этом автор указывает, что в полном соответствии с SOV-типом словоупотребления в этих оборотах, за редкими исключениями, соответствует традиционной формуле T — R — P. Это объясняется, как он считает, возникновением данных оборотов на базе бывших самостоятельных предложений (с. 86).

Что касается деепричастных форм и образованных ими конструкций, а также словоупотребления в них, автор не делает открытий, когда пишет: «Переходя к рассмотрению деепричастных оборотов, следует заметить, что по крайней мере часть из них образовалась на основе конструкций с масдарами...» и «...порядок слов в деепричастных оборотах в большинстве случаев строится в полном соответствии с нормами варианта T — R — P, так что само деепричастие закономерно замыкает конструкцию» (с. 103). Дело в том, что четыре с лишним десятилетия тому назад об этом уже писал П. Н. Перовщиков в своей фундаментальной монографии «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» (1959), правда, в иных терминах. Кстати, эта работа не значится в списке использованной литературы.

Свои исторические выкладки относительно порядка слов в простом предло-

жении пермских языков В. В. Понарядов изложил в главе третьей — «Пермский словоупотребление в диахронии» (с. 107—144). Он пишет: «Вывод Б. А. Серебренникова и Р. Бейкера о «тюркском» (т. е. SOV) характере синтаксиса древнего коми языка не был обоснован этими исследователями. Вся их аргументация свидетельствовала о сохранении в коми языке следов древнего последовательного SOV-состояния, но не позволяет отнести это состояние к какой-либо конкретной эпохе» (с. 110). Чтобы проследить диахроническое развитие словоупотребления в коми языке, автор вполне справедливо обращается, во-первых, к коми текстам XIV—XVIII вв., и, во-вторых, к языку коми фольклора.

Результаты его изысканий в области ранних памятников коми письменности свидетельствуют о том, что 1) «...древнепермские тексты не могут быть использованы при изучении истории коми словоупотребления» (с. 112); 2) материал, содержащийся в переводе молитвы «Отче наш», «недостаточен для однозначных выводов о словоупотреблении в коми языке XVII века» (с. 116); 3) материалы XVIII века свидетельствуют о том, что коми язык того времени в отношении словоупотребления уже «практически не отличался от современного» (с. 121).

Здесь хотелось бы приостановиться для некоторых размышлений. С одной стороны, памятники удмуртской письменности XVIII столетия также свидетельствуют о том, что удмуртский язык того времени в отношении основного словарного фонда, основ грамматического строя и фонетической системы мало чем отличался от современного его состояния, и на этой основе в периодизации истории удмуртского языка современный удмуртский язык начинается с XVIII века (Кельмаков 1976 : 287). Кстати, почти та же мысль содержится, по всей вероятности, и в периодизации истории коми языка, произведенной Е. А. Цыпановым (1992 : 12—13), согласно которой с XVIII по середину XIX века имеет место переходный период (от древнекоми к современному коми языку), а с середины XIX века начинается современный коми язык. Все это говорит о приблизительно синхронном историческом развитии обеих ветвей пермской семьи языков.

С другой стороны, большинство удмуртских предложений, вкрапленных в удмуртские грамматики XVIII века, составлено по нейтральной модели предложений как SVO-, так и SOV-типа языков (см. Сочинения 1775 : 3, 5; Могилинь 1786). Явное преобладание в «Сочинениях...» (1775) предложений, характерных для языков SVO-типа, обусловлено, на мой взгляд, тем, что удмуртские предложения были составлены в качестве перевода с русского образца, об этом, кажется, свидетельствует позиция русских предложений по отношению к их удмуртским соответствиям. Несколько иное положение в работе М. Могилина (1786): судя по расположению материала, удмуртские предложения были составлены независимо от русских образцов, а затем переведены на русский язык; следствием этому является преобладание предложений образца T — R — P. В свете приведенного удмуртского материала XVIII века возникают вопросы: 1. По какой методике собирались материалы И. И. Лепехиным в XVIII веке — как переводы на коми язык русских образцов или исконные коми предложения и словосочетания переводились на русский язык? 2. Какое отражение могли получить эти два метода сбора фактического материала в списке тактических вариантов словоупорядка в коми языке того времени? Исходя из ответов на первые два вопроса: 3. Так ли неизбежно положение о том, что «Состояние коми языка, отраженное записями И. И. Лепехина, в отношении словоупорядка практически не отличалось от современного» (с. 121).

Что касается языка коми фольклорных текстов, то в некоторых из них наблюдается сохранение особенностей SOV-типологии (с. 132).

Для пермистики весьма интересен вывод автора о том, что материалы народной поэзии и памятники письменности «позволяют датировать изменение типологии коми словоупорядка SOV > SVO

предположительно XVI—XVII веками» (с. 132). И далее: «...отнесение удмуртского языка к типу SOV, а коми языков — к типу SVO во многом условно: при наличии в них одинаковых вариантов словоупорядка с одинаковыми функциями различия наблюдаются лишь в дистрибуции таковых, т. е. носят не столько качественный, сколько количественный характер» (с. 144). В связи с приведенной цитатой из основных выводов автора хотелось бы заметить следующее: во-первых, не стоит забывать один из законов диалектики — переход количества в качество, т. е. обилие количества неких элементов и ничтожная представленность других в исследуемом объекте может характеризовать объект не столько количественно, сколько качественно; во-вторых, приходится несколько сожалеть, что в превосходно выполненном труде, каким является анализируемая работа В. В. Понарядова, не использованы количественные методы исследования, хотя бы для характеристики дистрибуции различных вариантов словоупорядка в коми и удмуртских текстах. Приведенные в приложении тексты небольшого объема на различных языках с переводами на русский (с. 155—179) для вышеназванной цели, как мне кажется, недостаточны.

Список использованной литературы (с. 145—152), включающей 129 наименований, мог бы быть дополнен теми трудами, на которые указано выше.

Перед нами труд, написанный уже зрелым ученым, это весомый вклад не только в пермское, но и в финно-угорское языкознание. А те замечания, которые сделаны, ни в коей степени не умаляют его высокого научного уровня, указаны они мною исключительно с той целью, чтобы автор при подготовке своего исследования к изданию, в необходимости которого я несколько не сомневаюсь, мог бы пользоваться ими.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Г. Е. 1924, Удмурт. Руководство к изучению вотского языка, Ижевск.
Кельмаков В. К. 1976, К вопросу

о периодизации истории удмуртского языка (на материале исторической фонетики). — СФУ XII, 283—288.

- М о г и л и н ь М. 1786, Краткой отяцкiя Грамматики опыт (= Опыт краткой удмуртской грамматики, Ижевск 1998 (Памятники культуры: Лингвистическое наследие)).
- П е р е в о щ и к о в П. Н. 1959, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск.
- Сочиненiя принадлежащiя къ грамматикъ вотскаго языка. Въ Санктпетербургъ при Императорской Академiи наукъ 1775 года. — Первая научная грамматика удмуртского языка, Ижевск 1975.
- Ц ы п а н о в Е. А. 1992, Коми кыв. Са-
моучитель коми языка, Сыктывкар.
- W i e d e m a n n, F. J. 1847, Versuch einer Grammatik der syrjäniscen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte, Reval.
- 1851, Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche, Reval.
- 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St.-Petersburg.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)